

Как только У Ююань прибыл с засадными войсками, Западное Ся были немедленно побеждены. Или же вражеские воины потеряли весь боевой дух в тот момент, когда пал Гу Фучжоу. Их цель достигнута, войска Западного Ся немедленно начали отступать. Тяжелая кавалерия Даюй погналась за ними, глаза каждого солдата были красными. Вражеский командир был захвачен живым, а войска перебиты.

После этой единственной ночи по долине потекла река крови. В тот же момент Ши Пэй вывесил знамя Даюй над стенами Юнляна. Наконец, Юнлян, эта северо-западная крепость, вернулась к Даюй.

В последней битве Даюй отвоевали Юнлян и отбросили понесшее тяжелые потери Западное Ся к северной границе. Они убили десятки тысяч своих врагов, но ценой для них было всего три тысячи их кавалерии. Это была великая победа, но среди солдат в лагере северо-западной армии не было видно ни малейшего намека на радость.

Воющий холодный ветер трепал вывешенные белые флаги, пепел бумажных денег развеивался в воздухе. Свет костров отражался на бледных и скорбных лицах каждого. У Ююань целый день и ночь простоял на коленях перед гробом Гу Фучжоу, он ничего не ел и не пил. Он крепко сжал меч, висевший у него на поясе. Его глаза налились кровью. У Ююань испытывал чувство вины, горя и негодования, но больше всего – убийственное намерение. Если бы Ши Пэй не остановил его, он бы преследовал войска Западного Ся до самой их столицы. Он бы сравнял их страну с землей. Он бы взял голову короля Западного Ся, чтобы принести ее в жертву ушедшему духу генерала Гу.

С этого момента это станет его желанием на всю жизнь.

Шэнь Хуайши сменил доспехи и облачился в легкую одежду. Он вошел в палатку и посмотрел на мемориальную табличку Гу Фучжоу. Его кадык дернулся, он с усилием сохранил самообладание и сжег три палочки благовоний. Ши Пэй передал ему срочный доклад и сказал хриплым голосом: «Мне жаль, что приходится беспокоить вас этим вопросом, Шэнь-сюнди».

Сильный снегопад перекрыл обратный путь в столицу, и самый быстрый кавалерист в армии не мог победить Шэнь Хуайши. К тому времени, когда Шэнь Хуайши вернется в столицу с докладом о сражении и новостями о смерти Гу Фучжоу, пройдет полмесяца.

Последний доклад с северо-запада, полученный залом Циньчжэн, был отправлен полмесяца назад. Согласно отчету, город Юнлян был сильно укреплен, вражеская армия не желала вступать в бой, а атаки северо-западной армии были неэффективны. Кроме того, поставки продовольствия из Гуанъяна в Юнлян были заблокированы сильным снегопадом. Их запасы

подходили к концу, боевой дух армии падал.

Трон императора рядом с письменным столом дракона убрали и заменили старомодным деревянным креслом. Сяо Сунцзы вошел в зал с чаем и увидел Линь Цинюя, сидящего в этом кресле, подперев лоб рукой. Его густые, похожие на перышки ресницы отбрасывали бледные тени на щеки.

Сяо Сунцзы подумал, что Линь Цинюй спит, поэтому постарался замедлить шаги. С тех пор как император «внезапно заболел» и выздоравливал в своих покоях, не ступая ни ногой в зал Циньчжэн, Линь Цинюй стал наполовину хозяином зала Циньчжэн. По приказу императора он просматривал здесь доклады, встречался с дворянами и министрами, обсуждал государственные дела. Главный помощник, намного превосходящий любого.

Линь Цинюй так нагло и бессовестно принуждал императора и приказывал чиновникам. Назвать его «вором Линь» не будет преувеличением. Но, увидев армию императорской охраны и батальон железной кавалерии по всему дворцу, никто не осмелился высказаться. Не имея возможности увидеть императора, чиновники могли только попросить о встрече вдовствующую императрицу. Вдовствующая императрица сказала: «Айцзя стареет. Управляя из-за занавеса, айцзя часто оказываюсь не в состоянии сделать столько, сколько хотелось бы. Хорошо, что есть императорский лекарь Линь, который поможет облегчить беспокойство айцзя».

«Но мастер Линь все еще не более чем императорский лекарь. Для простого императорского лекаря управлять правительством и распоряжаться министрами – это просто неслыханно. Это позор для нашего великого Даюй!»

«Вы напомнили айцзя. – Вдовствующая императрица легко сказала: – По вашему мнению, какую официальную должность должна предоставить ему айцзя?»

...

С тех пор как Цуй Лянь ушел в отставку и вернулся в родной город, должность премьер-министра оставалась вакантной. Некоторые люди говорят, что пройдет совсем немного времени, и Линь Цинюй перестанет быть «императорским лекарем Линь», и все гражданские и военные чиновники должны будут называть его «премьер-министр Линь».

В любом деле нужно делать все постепенного. От императорского лекаря до премьер-министра – слишком большой скачок. Императорскому двору нужно было сохранить лицо. В конце концов, вдовствующая императрица назначила Линь Цинюя на должность третьего класса, министром обрядов.

Когда Сяо Сунцзы осторожно поставил чашку на стол, Линь Цинюй открыл глаза. Сяо Сунцзы подумал, что разбудил его шумом, поэтому поспешно опустился на колени и извинился: «Этот бесполезный слуга потревожил сон мастера Линя».

Линь Цинюй сказал: «Это не имеет к тебе никакого отношения. Я всегда спал чутко. Вставай».

Линь Цинюй уже несколько дней снятся кошмары, его настроение неизбежно было плохим. Чтобы избежать кошмаров, он не спал три ночи, довольствуясь дневным сном. После нескольких дней переживаний Линь Цинюй сильно похудел, контуры его лица стали еще более отчетливыми. Он выпил чай Сяо Сунцзы и спросил: «Есть какие-нибудь новости с северо-запада?»

Это был третий раз за день, когда Линь Цинюй спрашивал об этом. Сяо Сунцзы покачал головой и сказал: «Мастер Линь, последнее сообщение с северо-запада поступило не так давно. Следующее, скорее всего, появится не так скоро».

Линь Цинюй тихо сказал: «Но раньше он писал мне каждые два-три дня».

«Разве вы не говорили, что ситуация на северо-западе находится на критическом этапе? Генерал Гу слишком занят».

Независимо от того, насколько Гу Фучжоу занят, он всегда писал письмо домой.

Вошел евнух и сказал: «Мастер Линь, император просит вашего присутствия».

Линь Цинюй легко сказал: «Я понимаю».

После перемен в зале Циньчжэн он запер Сяо Цзе в императорских покоях. Сначала Сяо Цзе весь день не находил себе места и хотел видеть его каждый день. Как только он видел Линь Цинюя, единственное, о чем он спрашивал, была ситуация Си Жуна, неоднократно умоляя пощадить его. Позже Линь Цинюй дал Сяо Цзе лекарство, и тот на время успокоился.

Учитывая все обстоятельства, он хорошо относился к Сяо Цзе. Линь Цинюй не только не убил его, но даже позволил остаться во дворце, предоставив все возможности для роскошной жизни. Помимо лишения свободы, Сяо Цзе оставался все тем же праздным императором, которого не заботили государственные дела.

Когда он прибыл в спальню императора, Линь Цинюй увидел Сяо Цзе, стоящего перед столом. Юноша с растрепанными волосами держал кисть для письма, выглядя так, будто только что закончил писать.

Линь Цинюй сказал: «Ваше величество».

«Ты здесь. – Глаза Сяо Цзе были пусты: – Вот мой указ об отречении».

Два евнуха принесли стул. Линь Цинюй сел и спросил: «Что Ваше величество имеет в виду под

этим?»

Сяо Цзе равнодушно сказал: «Разве это не то, чего ты хочешь?»

Линь Цинюй поправил одежду и сказал: «Если это то, чего я хочу, зачем мне ждать до сих пор?»

«Просто возьми это! Я умоляю тебя. – Сяо Цзе внезапно впал в истерику: – Я не хочу быть императором. Почему ты сделал меня императором?»

Если бы он не стал императором, то сейчас все еще жил бы в своей резиденции с А-Жуном. Его самой большой заботой каждый день было бы, что съесть на следующий прием пищи. Если бы он не стал императором, они не имели бы никакого отношения к делам на северо-западе и не были бы в такой ситуации, как сейчас.

Именно Линь Цинюй подтолкнул его к этому месту. Во всем виноват Линь Цинюй.

Линь Цинюй слегка усмехнулся. «Я сделал тебя императором? С самого начала я когда-нибудь заставлял тебя?»

Губы Сяо Цзе задрожали. «Ты искал меня. Ты сказал...»

Линь Цинюй прервал: «Я искал Си Жуна, и это Си Жун вступил со мной в сговор. Осмелюсь ли я спросить императора, был ли хоть один раз, когда я говорил с тобой о восхождении на трон?»

Сяо Цзе был поражен и в изумлении поднял голову.

«Это не я подтолкнул тебя к трону. Твой А-Жун подтолкнул тебя к трону. – Линь Цинюй жестоко сказал: – Тебе некого винить, кроме себя, за то, где ты сегодня находишься. В те времена, если бы хотя бы один из вас сказал „нет“, ты бы не оказался на троне дракона».

Сяо Цзе открыл глаза. Никто не мог сказать, сколько он понял из того, что сказал Линь Цинюй. «Дело не в этом. Без тебя у нас с А-Жуном все было бы хорошо».

Линь Цинюй был слишком ленив, чтобы тратить на него еще больше времени.

«Поскольку император решил отречься от престола, – он глазами указал Сяо Сунцзы, и тот выступил вперед, чтобы забрать указ, – тогда я приму это. Но, как я уже говорил ранее, являешься ты императором или нет, я не могу спасти Си Жуна».

Из глаз Сяо Цзе потекли слезы. «Позволь мне встретиться с ним. Позволь мне остаться с

ним...»

Линь Цинюй холодно фыркнул, его ответ был очевиден.

«Ты уже планируешь его убить. Почему ты даже не можешь согласиться на эту просьбу?»

«Не могу. – Линь Цинюй холодно сказал: – Мы с мужем находимся по разные стороны неба, так почему вы должны быть вместе?»

После того как Сяо Цзе попросил отречения от престола, Линь Цинюй заключил бывшего императора в сад Цзиньян, откуда тот никогда не выйдет. И таким образом, единственным, кто остался с кровью покойного императора, был Хуай ван, Сяо Ли. Несколько старых принцев, находящихся далеко в своих владениях, начали посылать письма, в которых говорилось, что они хотят поздравить вдовствующую императрицу с Новым годом. Их реальные мысли ни для кого не было тайной.

В это время непостижимый учитель нации снова объявил о чтении небесных знамений. – Девять звезд созвездия Скорпиона говорят: законный сын следует правильным путем. Душа может вернуться в свое тело, объединяя страну.

Даюй всегда отдавал предпочтение линии наследования через официальную жену, и многие из старших чиновников ценили чистоту крови. Услышав, что учитель нации имеет в виду, что после восхождения Хуая вана на трон его болезнь потери души может быть излечена, половина несогласных голосов замолкла. Но самое главное, что их возражения были бесполезны. Войска поддерживали Линь Цинюя, и большинство чиновников предыдущего двора были людьми вдовствующей императрицы. Вдовствующая императрица Вэнь не потерпит на троне никого, кроме собственного сына. Она свергла одного императора, и может свергнуть другого.

В нынешней ситуации уже было благословением в несчастье, что страна останется под именем Сяо.

В день, когда Сяо Ли взошел на трон, Линь Цинюй лично возложил корону на его голову. Семнадцатилетний юноша послушно позволил ему передвигать себя, его тонкие черты лица были скрыты нитками нефритовых бусин. Корона была тяжелой, а длинные нитки бусин мешали. Сяо Ли продолжал пытаться снять корону, но Линь Цинюй остановил его: «Не двигайся».

Сяо Ли послушно опустил руку.

«Пойдем».

Для этой церемонии восхождения на трон Линь Цинюю, наконец, не нужно было становиться на колени. Держа Сяо Ли за руку, он прошел мимо всех чиновников, ступил на длинный ряд

ступеней и шаг за шагом вошел во дворец Цзичэнь, шаг за шагом поднимаясь к вершине власти.

Он стоял в светлом зале, смотрел сверху вниз на всех живых существ, смотрел сверху вниз на гражданских и военных чиновников, принцев и министров, когда все они склоняли головы и кланялись, крича «Да здравствует император». Рядом с ним на троне дракона сидел император в черном драконьем одеянии, выражение его лица было унылым и невыразительным. Только когда он случайно встретился взглядом с Линь Цинюем, император расплылся в очаровательной улыбке.

После того как Сяо Ли взшел на трон, он переехал из дворца Цыань во дворец Синцин. Мальчика, которому умственно было всего три или четыре года, разлучили с матерью, оставив только Сю Цзяо-момо присматривать за ним в его покоях.

Линь Цинюй был занят церемонией восхождения на трон, но в зале Циньчжэн осталось еще много дел, с которыми нужно было разобраться. Посреди ночи зал Циньчжэн был залит огнями. Хотя было уже за полночь, доклады были сложены на столе как гора. Чувствуя сонливость, Линь Цинюй думал о приготовлении освежающего отвара, когда внезапно услышал позади себя голос: «Почему лекарь Линь спит здесь?»

Линь Цинюй внезапно замер. Он медленно обернулся и встретился с парой ярких глаз. Эти глаза улыбались, пухлые мешочки под этими глазами были отчетливо заметны.

...Это сон?

В свете дворцовых фонарей можно было отчетливо разглядеть черты молодого человека – красивые черты с яркими глазами и бровями, напоминающие прохладный бриз и ясный лунный свет, обладающие сдержанным и великолепным шармом, еще более очевидным, чем во время их встречи три года назад. У него были короткие и аккуратно подстриженные волосы. Он был одет в свободную рубашку с короткими рукавами, на которой были напечатаны странные символы, и простые черные брюки. Не прикрытые одеждой его ноги выглядели прямыми и стройными.

Это был второй раз, когда он встречался с этим молодым человеком.

Молодой человек подошел к нему. Прислонившись к столу дракона, он посмотрел на него с улыбкой. «Давно не виделись, Цинюй».

Линь Цинюй открыл рот: «...Цзян Син?»*

[Примечание: 醒 / xǐng. Надеюсь дальше нам расскажут, как Цинюй догадался об имени нашего героя. Значения иероглифа: проснуться; пробудиться; очнуться; бодрствовать. Наверняка часть строчки стиха...]

Уголки губ Цзян Сина приподнялись. «Как и ожидалось, ты уже знал мое имя».

Его сердце сжалось, Линь Циньюй отказался думать о причине внезапной сильной боли. Он уклончиво опустил голову, не глядя на юношу. Он в панике пробормотал: «Почему... почему ты мне снишься?»

Цзян Син обхватил щеки Циньюй ладонями и сказал с улыбкой: «Конечно, потому что скучаешь по мне, детка».

Линь Циньюй поднял глаза на Цзян Сина. Он уставился на него, не двигаясь. Его глаза не покраснели, и он не чувствовал жжения в глазах. Линь Циньюй сам не знал, когда струйки прозрачных слез скатились из уголков его глаз на руки Цзян Сина.

<http://bllate.org/book/15122/1336719>